

Отзыв
официального оппонента
о диссертации Егоровой Светланы Олеговны
«Эволюция эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10. 01. 01 – русская литература

Диссертационная работа С.О. Егоровой посвящена очень важной и актуальной для гоголеведения теме. Автор основывается на принципиальной и весьма плодотворной позиции в вопросе о том, что эсхатологизм выступает атрибутом в первую очередь не идеологии, а художественного мышления Гоголя, воплощающегося в морфологию и динамику движения его художественного мира. Именно поэтому диссертант подчеркивает, что эсхатология Гоголя не может рассматриваться только в плане библейских реминисценций. С.О. Егорова исходит из позиций Ю.М. Лотмана, А.Х. Гольденберга и М.Н. Виролайнен и ряда других исследователей о том, что художественный мир Гоголя, с одной стороны, уходит своими корнями в славянское язычество, а с другой – является метаморфным в своей основе. Эти стороны гоголевской поэтики, по мнению С.О. Егоровой, приводят к тому, что мир в произведениях писателя проходит через цепь катастрофических смен, и мир, возникающий в результате каждой из них, несет в себе потенциал своего конца как превращения в нечто иное. Это, по оценке диссертанта, образует «сквозной сюжет писателя» (стр. 16 диссер.).

С эсхатологическим стержнем сквозного сюжета Гоголя связаны, как показывается в работе, три первых цикла Гоголя: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и «Петербургские повести». Исторический хронотоп, лежащий в центре каждого из них, выступает плодом преобразования или катастрофического перерождения предыдущего.

В отношении двух первых циклов наиболее плодотворным представляется положение С.О. Егоровой о том, что патриархальный мир в них постоянно является объектом противоположных, по своей сути, эсхатологических

угроз: со стороны предвечной людям земли, которую автор точно определяет как «волшебнo-олицетворенную» и которая грозит вернуть людей под свою власть, – и необратимой истории, равно разрушительной как для патриархального коллектива, так и для некогда породившей его земли. Первая из них (относительная) осуществляется в «Страшной мести», вторая же (абсолютная) предстает как историческая перспектива в финале «Сорочинской ярмарки», где рассказчик драматически переживает как распад патриархального народного целого, так и свой собственный пространственно-временной отрыв от него (стр. 36 диссер.). Именно это и составляет во многом тяготеющее романтизму понимание истории в «Вечерах...». Несомненной заслугой автора диссертации является новое рассмотрение исторической основы «Страшной мести» сквозь призму сюжетов украинских народных дум, отражающих историческую угрозу потери казаками национальной идентичности как следствия «ополячивания» украинского «шляхетства» (стр. 32 диссер.).

В то же время своего рода мотивным мостом ко второму, «миргородскому» циклу диссертант видит в «Вечерах...» повесть «Майская ночь, или Утопленница», где связь с предвечной природой (в лице русалки) переживается героем (Левко) *лирически*, что объективно предвосхищает опять-таки романтический тип отношения к природе как духовной почве.

В «Миргороде» и, в частности, в «Вице», как показывает С.О. Егорова, такого рода переживание героем (Хомой Брутом) своей связи с волшебнo-олицетворенной землей выступает плодом истории как оскудения эпического казачьего мира и его пространственно-временного удаления от волшебнo-олицетворенной природной праосновы. В новое качество эти отношения, как показывается в работе, переходят в «Старосветских помещиках», где волшебнo-олицетворенная земля выступает уже не реальностью, которая управляет судьбой героя (Пульхерии Ивановны), а доминантой ее сознания и отсюда – бытия. Именно повинувшись ей, героиня, по справедливому заключению автора диссертации, фактически добровольно ухолит из жизни, что ведет к ра-

зорению идиллического имени, знаменуя исчезновение патриархального мира в целом.

Особо следует отметить стремление автора диссертации расширить не только мифологический, но и архаический литературный контекст «Вия». Сопоставляя финал повести с «Прорицанием Вельвы», открывающим древнеисландскую «Старшую Эдду», выявляя целый ряд типологически сходных и перекликающих мотивов и образов, С.О. Егорова убедительно показывает, что есть веские основания рассматривать этот раннесредневековый литературный памятник в качестве «наиболее близкого эсхатологического претекста финала «Вия» в мировой литературе» (стр. 41 диссер.).

Таким образом, именно «миргородский» цикл выступает развернутым, демонстративным объяснением того, почему эсхатологическая угроза людскому миру со стороны «природы» / «почвы» является «относительной», а угроза со стороны «истории» – абсолютной.

Окончательным утверждением такой «эсхатологической» логики в художественном мире Гоголя диссертант видит «Петербургские повести». Петербург, как показывается в работе, системно наделен в них признаками бесовски-смехового мира Древней Руси, то есть ирреального «мира наоборот» (отсюда – акцентирование в образе Петербурга мотивов запредельного пространства «края света» как области вечного холода, распадающегося и метаморфного пространства и т. п.), который, однако, теперь стал единственной и безальтернативной реальностью, заместившей мир «правильный», то есть прежний, патриархальный. Ключевым сигналом такой «эсхатологической» смены С.О. Егорова считает «инострannую» атрибутику Петербурга, которая в традиционной русской культуре соотносилась с бесовством, а в новой (имперской) – стала нормой. Соответственно, Петербург «...повестей» отразил образ нового имперского мира в традиционном народном сознании. Отсюда герои «...повестей» становятся жертвами мистифицирующей природы нового миропорядка, который, в частности, наделяет в глазах героев-художников пошлое и непошлое мнимыми признаками друг друга (соответственно, «Нев-

ский проспект» и «Портрет»), а словесное «искривление» реальности – признаками последней («Нос»). Особенно интересными выглядят подходы диссертанта к «Шинели», герой которой, Акакий Акакиевич, последовательно становится жертвой фундаментальных для петербургского «антимира» холода, распадающегося пространства и беспощадной в своем нисходящем действии властной иерархии. Он, по верному суждению С.О. Егоровой, оставляет эту иерархию без главной опоры, которую сам и воплощает (стр. 102 диссер.).

Весьма убедительна оценка С.О. Егоровой следующего за «Петербургскими повестями» «Ревизора» как поворотного рубежа в «эсхатологическом сюжете» Гоголя. В диссертации показано, что именно в «Ревизоре» идейный перелом Гоголя (во многом ставший плодом рефлексирования им собственной поэтики) как бы раздваивает его «эсхатологику» – прежде всего через ключевой в комедии образ Петербурга. С одной стороны, он предстает тем же химерическим антимиром, что и в «Петербургских повестях», и именно его посланник Хлестаков, вводя в искушение властителей города, втягивает его и, тем самым, весь реальный мир, все еще противостоящий Петербургу, в его фантазмагорическую орбиту. С другой стороны, Петербург как инстанция, приславшая подлинного ревизора и карающая его рукою погрязший в грехах уездный город, предстает идеальным средоточием идеальной имперской власти, ставшей новым духовным ориентиром Гоголя. Соответственно, эсхатология получает новый, противоположный прежнему смысл духовного и социального очищения.

Именно эти два, как будто бы взаимоисключающих значения эсхатологии, как убедительно показывается в работе, не просто развиваются, но и логически интегрируются в первом томе «Мертвых душ». С одной стороны, «концом мира» предстает духовное угасание современного человека, постепенно превращающегося в бездуховную плоть (его пороки воплощены в пяти помещиках, поочередно объезжаемых Чичиковым, который, в свою очередь, предстает эманацией нечистого, вошедшего в мир и похищающего души лю-

дей). С другой стороны, духовное нисхождение человека, замыкаемое в фигуре Плюшкина, парадоксальным образом оказывается необходимой параболой грядущего в двух последующих томах преображения мира, происходящего через умерщвление его «ветхой» телесной оболочки. Моделью такого преображения в финальном лирическом отступлении первого тома выступает двухступенчатое превращение брички Чичикова сначала в русскую «птицу-тройку», а затем в «тройку» - Русь, несущуюся по небу. Отнюдь не случайно, как точно замечено автором диссертации, в «Мертвых душах», при схожей с «Ревизором» проблематике, снимается его антитеза Петербурга и «глубинки»: теперь идеальный мир находится везде (внутри видимого и пошлого), а периферия – нигде.

Серьезным аргументом, доказывающим возможность художественной реализации гоголевского замысла духовного воскресения его героев, является представленный в диссертации развернутый анализ темы богатырства в первом томе поэмы, впервые в гоголеведении сопоставленной с эпическим богатырством героев «Тараса Бульбы». Таким образом, работа С.О. Егоровой объективно показывает, что «Мертвые души» в определенном отношении интегрируют собственно художественную и идейную эсхатологию Гоголя.

Как практически любое новаторское исследование, диссертация С.О. Егоровой не свободна от некоторых недостатков.

Если объектом исследования является в диссертации художественное творчество Гоголя, то, по нашему мнению, отдельного обоснования требует включение в материал исследования публицистических текстов писателя («Петербургские записки 1836 года» и «Выбранные места из переписки с друзьями»). Они играют важную роль в работе в качестве «прямого» высказывания художника на эсхатологическую тему, но не в его поэтике.

Хотелось бы увидеть в работе более развернутый анализ эсхатологии «Портрета», поскольку именно в сюжете этой повести эсхатологическая тема является стержневой. Она не раз, конечно, становилась предметом рассмотрения в научной литературе, однако без учета ее динамических аспектов. И

здесь речь могла бы идти не только о влиянии химеричности Петербурга на судьбы гоголевских художников, но и о роли религиозного экфрасиса как средства борьбы с эсхатологической угрозой.

В параграфе о повести «Нос», рассматриваемой в том же ключе, что и «Портрет», было бы уместно, на наш взгляд, в рамках полемики с работами предшественников (Н. Ульянова, М. Вайскопфа, В. Кривоноса), не раз упомянутых в диссертации, прокомментировать христианскую мотивику ее хронотопа (Благовещение, травестия евхаристии в сцене обнаружения носа в хлебе и т.п.).

Эти замечания, однако, связаны, скорее, с возможностями продвижения по тем научным «векторам», которые отчетливо обозначены в диссертации С.О. Егоровой. Ее самобытную работу можно оценивать как несомненный шаг вперед в исследовании одного из ключевых смысловых сегментов художественного мира Н.В. Гоголя.

Убедительными представляются не только исходная концепция автора диссертации, но и сам теоретический подход к анализу изучаемой проблемы, позволяющий выявить динамику эсхатологических мотивов в поэтике писателя.

Обоснованность научных положений и выводов, содержащихся в работе С.О. Егоровой, обусловлена значительной эмпирической базой исследования, чрезвычайно обширным и тщательно отобранным фольклорным, литературным и историко-культурным материалом, оказавшимся в поле зрения диссертанта.

Достоверность научных положений и выводов, содержащихся в диссертации, предопределяется адекватностью путей и методов исследования материала. Автор диссертации весьма удачно сочетает масштабность поставленных задач с микроанализом гоголевских текстов.

Работа С.О. Егоровой является завершенным исследованием, оформленным в соответствии с требованиями, предъявляемыми к кандидатским диссертациям.

Материалы диссертации прошли полноценную апробацию на научных конференциях – как всероссийских, так международных. Результаты исследования нашли свое отражение в 12 публикациях, 5 из которых – в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Основное содержание диссертации адекватно изложено в автореферате.

Представленная к защите работа Светланы Олеговны Егоровой соответствует Паспорту заявленной специальности и полностью соответствует критериям, указанным в пп. 9-11 и 13-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г., № 842, а его автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 □ Русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Института высших гуманитарных исследований имени Е.М. Мелетинского Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Адрес: 394043, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6) Иваницкий Александром Ильичом.

7 мая 2018 года

А.И. Иваницкий

Контактная информация:

Иваницкий Александр Ильич

ФГБОУ «Российский государственный гуманитарный университет»

394043, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6

Тел. Рабочий +7 (495) 250 66 68

E-mail: meisster@mail.ru

Официальный сайт организации: www.rsuh.ru

Доктор по научной работе

О.В. Павленко

**СПИСОК
ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ОФИЦИАЛЬНОГО
ОППОНЕНТА,**

доктора филологических наук
Александра Ильича Иваницкого

по теме диссертационного исследования Светланы Олеговны Егоровой
«Эволюция эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя»

1. О природе государственного пространства у Н.В. Гоголя и Ф. Кафки // *Literaria Humanitas*. XV. N.V. Gogol: Byti dila v prostoru a case (Studie o zivem dedictvi). Masarikova Univerzita v Brne. Filosoficka Fakulta. Ustav Slavistiku. Brno. 2010. P. 131 – 138.
2. Образ и смысл Италии как Мекки искусства у Гоголя и Гофмана (Вторая редакция «Портрета» и «Серапионовы братья») // «Н.В. Гоголь и его творческое наследие»: Десятые Юбилейные Гоголевские чтения. Материалы и доклады Международной научной конференции. М., «Фестпартнер». 2011. Сс. 191-197.
3. Мотив очеловечивания собаки у Гоголя: источники и продолжения // Двести лет Гоголя. Сборник научных трудов. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. Krakow. 2011. P. 83 – 90.
4. Сюжет «Мертвых душ» как барочная метафора // *Acta Polono-Ruthenica*. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. XVIII. Olsztyn. Wydawnictwo UWM. 2014. S. 47 – 57.
5. «Злой принцип» и «Беспорядок природы» (гротеск у Гофмана и Гоголя: истоки и пути преодоления) // «Учить других потребен гений...». К юбилею А.Б. Ботниковой. Воронеж. Изд. Дом Воронежского государственного университета. 2014. С. 46 – 58.
6. Лирика Лермонтова: к вопросу о мотивной логике // Универсалии русской литературы. – Вып. 6. – Воронеж. 2015. С. 293-312.
7. Еще раз о соотношении «сентиментального» и «классицистического» в поэзии Карамзина // Вестник Московского городского областного университета. Серия русская филология М., 2015. № 4. С. 109 - 118.
8. О возможном источнике одной из поведенческих стратегий лирики Пушкина // 5 Международный конгресс «Русская словесность в мировом культурном контексте». Избранные тезисы и доклады. Т. 1. М., Изд. «Белый ветер». 2015. С. 772-778.
9. Карамзин и Шиллер (о возможном источнике государственного идеала русского сентиментализма) // XVIII век как зеркало других эпох. XVIII век в зеркале других эпох. СПб. Издательство «Алетейа». 2016. С. 333-339.
10. О значении и роли «поэзии» в лирике русского сентиментализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2016. № 5. М., Изд. МГОУ. С. 90-99.
11. Об «эпических» значениях природы в русской помещной анакреонтике // Карамзинский сборник. Карамзин и карамзинизм в современном сознании.

Ульяновск. Издательство «Корпорация технологии продвижения». 2016. С. 80-87.

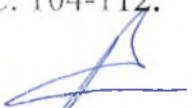
12. Триада „Чувство – Природа – Поэзия” в лирике Н.М. Карамзина // „Studia Rossica”, tom XXIV. Mikołaj Karamzin i jego czasy. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. 2017. P. 111-119.

13. «Свет» как мир и «свет» как общество в поэзии Н.М. Карамзина. Механизм эволюции значений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2017. № 3. М., Изд. МГОУ. С. 69-76.

14. «Мне жаль великия жены...» как один из поведенческих ключей лирики Пушкина // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII. М.: РГГУ, 2017. 429 с. (Monumenta Humanitatis: Чтения ИВГИ – ИВКА – ЦТС Ф; Вып. 3. С. 181-194.

15. «Святой, мудрый дивный...». Значение и миссия Творца в поэзии Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. 2017. № 5. М., Изд. МГОУ. С. 104-112.

7 мая 2018 г.
Г. Москва

А.И. Иваницкий

Контактная информация:

Иваницкий Александр Ильич

ФГБОУ «Российский государственный гуманитарный университет»

394043, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6

Тел. Рабочий +7 (495) 250 66 68

E-mail: meisster@mail.ru

Официальный сайт организации: www.rsuh.ru

Александр Ильич Иваницкий

по научной работе

О.В. Павленко